

О РУССКО-АРМЯНСКИХ КНИЖНЫХ СВЯЗЯХ ДРЕВНЕЙШЕГО ПЕРИОДА

Н. Н. РОЗОВ (Ленинград)

История многосторонних связей армянского и русского народов исчисляется уже тысячелетием. Они отразились в русской историографии с самого начала ее существования. В начальной русской летописи — Повести временных лет — уже упоминается «Армения Великая и Малая»¹, и эти известия переписывались в позднейшие летописные своды вплоть до Никоновской и Симеоновской летописей XVI в.² В Хронографе рассказывается о крещении армян, о жизни и деятельности Григория Просветителя³. Источниками сведений об Армении и армянах в русской историографии были не только византийские хроники, но и памятники древней армянской историографии. «Русский Хронограф кратко, но точно излагает содержание национальной версии об обращении в христианство Армении», — пишет современный советский исследователь⁴.

В древней армянской историографии также имеется достаточно сведений по истории России. В том же XI в., когда началось русское летописание, армянский писатель Степанос Таронаци пишет о крещении Руси и сопутствовавших ему событиях русской истории⁵. И это совпадение по времени неслучайно: расцвет культуры Армении при Багратидах совпадает с аналогичным явлением в Киевской Руси времен Ярослава Мудрого. А одной из сторон многогранной деятельности последнего является организация массового перевода и переписки книг, основание первой русской библиотеки.

По свидетельству начальной русской летописи, Ярослав любил «церковныя уставы, попы любяше повелику, излиха же черноризце, и книгам прилежа и почитая е часто в нощи и в дне; и собра писце многы и прекладаша от грек на словенское письмо и списаша книги многы и списка»⁶. Но в этом свидетельстве о начале книгописания на Руси есть одна неточность: книги тогда переводили не только «от грек». Как от-

¹ Полное собрание русских летописей (ПСРЛ), т. I, стр. 2.

² ПСРЛ, т. V (Софийская 1-я летопись), стр. 1; т. VII (Воскресенская летопись), стр. 261; т. IX (Никоновская летопись), стр. 2; т. XVIII (Симеоновская летопись), стр. 2.

³ ПСРЛ, т. XXII, 2-я пол., стр. 86—87.

⁴ К. Н. Григорьян, Из истории русско-армянских литературных и культурных отношений (X—начало XX вв.), Ереван, 1974, стр. 17.

⁵ Всеобщая история Степаноса Таронского Асох'ника по прозванию — писателя XI столетия, М., 1864, стр. 200.

⁶ ПСРЛ, т. I, стр. 65.

мечал акад. Н. К. Никольский, в самой начальной русской летописи использованы источники не только византийского, но и западноевропейского происхождения⁷. Среди древнейших из сохранившихся русских книг имеется Изборник 1073 года, переписанный с болгарского оригинала для сына Ярослава Мудрого, и составленный тремя годами спустя другой Изборник. Писец последнего отмечает, что содержание этой книги было им «избрано из многих книг княжьих», т. е. в киевской княжеской библиотеке, основанной Ярославом. Розыски византийских источников статей Изборника 1076 года дали пока что скромные результаты: в византийской письменности таковые обнаружены лишь для половины статей, причем при основательной подчас их переработке⁸. Следовательно, источники остальных статей приходится искать вне Византии. Все это является свидетельством широких международных книжных связей Киевской Руси.

Эти связи — назовем их современным термином «международный книгообмен» — были составной частью общекультурного обмена древней Руси с зарубежными странами, являвшегося «надстройкой» над торгово-экономическими связями. По торговым путям шли на Русь не только заморские товары, но и предметы международного культурного обмена, в том числе книги.

Большое значение для международного книгообмена имели тогда и династические связи. Так, вероятно, с дочерью Ярослава Мудрого Анной, выданной замуж за французского короля, во Францию попала кириллическая часть Реймского евангелия. А латинская, так называемая Трирская псалтирь, привезенная в Киев невесткой Ярослава — польской принцессой, вернулась за границу с вшитыми в нее портретами ее сына — русского князя.

Возможности проникновения в Древнюю Русь армянских книг были еще при отце Ярослава — князе Владимире, женой которого была дочь византийского императора Василия II, по происхождению армянина. Русские воины участвовали в походах этого императора в Армению и Грузию, откуда ими — в качестве трофеев — могли быть привезены и книги: последние в названных странах в те времена достигли высокой степени художественного совершенства, представляли значительную эстетическую и материальную ценность. Наконец, со второй половины IX в. известны случаи принудительного переселения армян в страны Балканского полуострова; эти переселенцы, конечно, брали с собою книги, в первую очередь необходимые для отправления богослужения. С балканскими же славянскими странами Киевская Русь имела в XI—XII вв. интенсивный книгообмен.

Следствием международного книгообмена, миграции книг и явились упомянутые сведения об армянах в русских летописях и о русском

⁷ И. К. Никольский, Повесть временных лет как источник для истории начального периода русской письменности и литературы, Л., 1930.

⁸ Изборник 1076 года, М., 1965, стр. 703—836. После выхода этого издания были обнаружены источники еще нескольких статей Изборника.

пароде — в памятниках армянской историографии. Тем же путем среди армян распространились и другие памятники русской литературы XI в. Давно уже известно распространение в армянской рукописной книжности Жития русских князей Бориса и Глеба⁹. Есть основания предполагать, что с сочинениями одного из первых русских писателей — митрополита Илариона был знаком видный армянский писатель XII в. Нерсес Шнорали, хотя в данном случае возможно и использование обоими авторами одних и тех же источников¹⁰.

Среди армян, селившихся в XI—XII вв. на Балканах и в сопредельных с ними юго-западных областях Киевской Руси, наконец в самом Киеве, было много различных ремесленников. Они оставили свой след в памятниках зодчества и прикладного искусства. Так, например, орнаментация мраморного саркофага Ярослава Мудрого в Софийском соборе в Киеве имеет много общего с традиционным декором армянского прикладного искусства. В окрестностях древнего Галича Волынского, в селе Крылосе существует церковь св. Пантелеймона, датируемая началом XIII в., сохранившая следы характерных черт армянской архитектуры. На ее стенах есть армянские надписи и рисунки — наброски традиционного для армянского орнамента «процветшего креста» и контуров храмов. В числе последних, среди контуров явно каменных сооружений, есть контур четырехъярусного храма, напоминающий традиционно русские деревянные постройки, увенчанный удлиненным крестом со второй, косой перекладиной — намеком на русский восьмиконечный крест. Косая перекладина есть еще на двух крестах, венчающих архитектурные графиты Пантелеймоновской церкви. В свою очередь «процветший крест» обнаруживается в наружных росписях Софии Киевской¹¹. Мотив «процветшего креста» широко использован также в орнаментации росписей Кирилловской церкви XII в. в Киеве. Приведенные примеры — наглядное отражение русско-армянских связей в области архитектуры и прикладного искусства. Оба же эти вида искусства оказали сильное влияние на художественное оформление древней рукописной книги.

Переходя к сравнению элементов оформления древнейших русских и армянских книг, следует заметить, что сохранившийся материал сильно затрудняет это сравнение. Дело в том, что художественно оформленных, роскошных армянских книг XI—XIII вв. сохранилось несравненно больше, чем русских. Кроме того — и это главное, — среди сохранившихся русских книг тех веков нет ни одной с иллюстрациями содержания.

⁹ Из новейших исследований укажу на работу П. А. Атаджяни «Русское Сказание о Борисе и Глебе и армянские Четы-Минен», Ереван, 1969. См. также ее статьи, названные в автореферате кандидатской диссертации «Из истории древнейших русско-армянских литературных и культурных отношений», Л., 1969.

¹⁰ Н. Н. Розов, К изучению русско-армянских культурных связей древнего периода, — «Литературные связи, т. I. Русско-армянские литературные связи. Исследования и материалы», Ереван, 1973, стр. 62—78.

¹¹ И. Ф. Тоцкая, Наружные росписи Софии Киевской, — «София Киевская. Материалы исследований», Киев, 1973, стр. 50—51.

в то время как армянские книги тех и предшествующих веков ими насыщены. Поэтому для сравнения остаются лишь три элемента художественного оформления книги — фронтиспис, изображения авторов, орнаментация заставок и инициалов.

Фронтисписы — «врата», вводящие читателя в книгу, — в армянских и русских книгах различны по происхождению. Армянские хораны — обрамления канонов, указателей евангельских чтений, необходимых для тетраевангелий. Среди древнейших русских книг сохранились Евангелия лишь апракосного типа, в котором надобность в канонах отпадала — текст их переписывался в порядке его чтения в течение года. И старейшие русские фронтисписы — Изборника Святослава 1073 г. — не легкие колонны армянских хоранов, хотя и перегруженные иногда массивными антаблементами, а монументальные сооружения типа храмов и дворцов. Они не находят по своей конструкции аналогий в армянских хоранах. Зато в заполняющих и даже перенасыщающих их орнаментах отразилось больше не византийское, а восточное, быть может и армянское, прикладное искусство, равно как и в окружающих эти архитектурные сооружения фигурах животных и птиц¹².

Ближайшей аналогией к фронтисписам Изборника Святослава является фронтиспис Юрьевского евангелия первой четверти XII в. Появление его, вероятно, можно объяснить тем, что этот апракос происходит от тетраевангелия¹³, и его фронтиспис — след, отражение канонов последних. Однако в нем также четко переданы сложные конструкции каменного сооружения. И окружают его, так же как и в Изборнике Святослава, фигуры птиц и зверей, какие рисовались и вокруг хоранов. Увенчан же этот фронтиспис четырехконечным крестом с орнаментальными украшениями при основании, напоминающими «проросшие» армянские кресты, лишь с перевернутым вниз узором.

Дальнейшее развитие фронтисписов русских книг в XIII и XIV вв. сохраняло формы архитектурного сооружения, но фигуры животных и птиц не окружают их, а оказываются внутри. И это находит аналогии в орнаментальном «узорочьи» скульптурной декорировки знаменитых храмов Владимиро-Суздальской Руси того времени. Связям последней с армянской архитектурой и прикладным искусством посвящена новая книга О. Х. Халпахчьяна. Среди ее иллюстраций — примеров сходства элементов декоративного оформления армянских и русских церквей — есть такие, которые находят аналогии в русском тератологическом орнаменте XIV в. Наконец, приведено изображение грифона из армянской

¹² См., например, табл. 7, 9, 10 в альбоме: Древнеармянская миниатюра, Ереван, 1952. Ср. илл. на стр. 177 и 181 кн.: А. П. Свирина, Искусство книги древней Руси (М., 1964).

¹³ Л. П. Жуковская, Юрьевское евангелие в кругу родственных памятников, — «Исследования источников по истории русского языка и письменности», М., 1966, стр. 45—52. Фронтиспис воспроизведен в черно-белом варианте (в оригинале он книжарный) в кн. А. П. Свирина (стр. 181).

рукописной книги 1323 г.¹⁴, похожего на того, что находится в росписях Софии Киевской и в Изборнике 1076 года.

Таковы лишь отдельные примеры общности элементов орнаментации русских и армянских рукописных книг XI—XIV вв. Специальный лонск, несомненно, увеличит их число, причем в разрисовке не только фронтисписов, но и заставок и инициалов.

Что же касается изображений авторов, часто помещавшихся внутри архитектурных фронтисписов, то наибольший материал дают здесь изображения евангелистов. И в русских и в армянских Евангелиях они восходят к византийским образцам, в которых уже наблюдается вариативность иконографии. Евангелисты рисовались или творящими «по вдохновению свыше», что обычно символизировалось протянутой с неба благословляющей рукой, или ожидающими вдохновения, или просто пишущими. Такая же, если не большая, вариативность наблюдается в древнейших русских и армянских Евангелиях. В Остромировом евангелии 1057 г., например, Лука привстал, чтобы принять оригинал для списывания — свиток, который вручает ему высунувшийся из сегмента звездного неба телец, а Марк принимает от своего символа — льва уже готовый кодекс, даже в переплете с застежками.

В древних армянских Евангелиях авторы часто изображались списывающими книги с лежащих перед ними кодексов, или внимательно читающими, как бы проверяющими написанное. Таковы, например, евангелист Марк в Евангелии 1066 г. (Матенадаран им. Маштоца, № 311) или Лука в Евангелии XII в. (там же, № 7737). Однако в том же кодексе евангелист Иоанн изображен привставшим к протянутой ему сверху благословляющей руке. С исключительной выразительностью нарисован евангелист Лука в Евангелии 1249 г. (Матенадаран, № 7690): приложив палец правой руки к уголку губ, он весь погружен в чтение книги; это уже не вдохновенный писатель и не книгописец, а внимательный читатель.

В качестве раннего случая отражения армянского искусства можно указать на миниатюру русского Милятина евангелия, датированного 1215 годом. Однако его единственная миниатюра вшита сюда из другой книги, большего формата, и датируется XI веком¹⁵. В ней — весьма редкостная иконография: на плечи евангелиста опирается еще какая-то фигура. Хотя Иоанн изображался обычно со своим учеником Прохором, фигура последнего обычно рисовалась меньшего размера, будучи подчиненной главному персонажу, и в облике молодого человека. В рассматриваемой же миниатюре фигуры равновелики, обе нарисованы с бородами, что дает основание искать их прототипы в редкостных пар-

¹⁴ О. Х. Халпахчьян, Культурные связи Владимиро-Суздальской Руси и Армении, М., 1977, стр. 54. Здесь же (стр. 18—20) воспроизведены и графиты Пантелеимоновской церкви в Крылосе.

¹⁵ Г. Н. Вздорнов, Миниатюра из Евангелия попа Домки и черты восточнохристианского искусства в новгородской живописи XI—XII вв., — «Древнерусское искусство. Художественная культура Новгорода», М., 1968, стр. 201—222.

ных изображениях в Евангелиях. Таковых известно несколько образцов среди греческих, грузинских и армянских книг. В числе последних — армяно-греческое Евангелие 1007 г., где на миниатюрах изображены по два равновеликих евангелиста — фронтально и статично, с раскрытыми книгами и благословляющими жестами, а не в движении, как на миниатюре, вшитой в Милятино евангелие¹⁶. На фоне последней нарисованы деревья, имеющие значительное сходство с изображенными на древних киевских саркофагах — того, что был раскопан в Десятинной церкви, и Ярослава Мудрого. Цветовая же гамма — темно-вишневая, голубая и зеленая краски, а также орнаментация кресла, на котором сидят евангелист, напоминают миниатюру упомянутого выше армянского Евангелия XII в. (Матенадаран, № 7737), где фигуры Иоанна и Прохора также равновелики. Отмеченные особенности миниатюры Милятина евангелия связывают ее с прикладным искусством Армении XI в., с одной стороны, и с армянской миниатюрой следующего столетия, — с другой. Небезынтересно отметить, что сравниваемое с Милятиным армянское Евангелие было создано в XII в., по мнению Л. А. Дурново¹⁷, в крепости Ромкла, бывшей в то время резиденцией католикоса Нерсеса Шнорали, знакомого (как я предполагаю) с сочинениями митрополита Илариона, русского писателя XI в. Здесь же, в Киликийской Армении, в следующем столетии были созданы армянские Четьи-минеи (Айсмавурк) в редакции Тер Исраэла, куда была включена армянская версия Жития Бориса и Глеба¹⁸. Все это дает основания предположить в Киликийской Армении, бывшей в XII—XIII вв. крупнейшим центром культуры с многими книгописными мастерскими, существование интенсивного международного книгообмена, в котором участвовали и русские книги. И если включение в Айсмавурк Тер Исраэла Жития Бориса и Глеба — результат международной миграции текстов, то в миниатюре, вшитой в Милятино евангелие, можно предположить отражение миграции книги.

Переходя к сравнению иллюстраций текстов древнейших армянских и русских книг, приходится еще раз напомнить, что русских книг XI—XII вв., иллюстрированных в современном смысле этого слова, не сохранилось. Древнейшая из таких русских книг, так называемая Хлудовская псалтирь¹⁹, относится лишь к концу XIII в.

Традиция иллюстрирования Псалтири получила широкое развитие в Византии и в славянских странах. Сложился даже особый тип иллюстрирования этой книги — маргинальный, при котором иллюстрации располагались на полях, в непосредственной близости к тексту. Старейшая из русских Псалтирей такого типа — Киевская, 1397 г., имеет целый ряд прямых «потомков» в XV и XVI вв.²⁰ Хлудовская псалтирь

¹⁶ Воспроизведены в кн.: K. W e i t z m a n n, Die armenische Buchmalerei des 10. und 11. Jahrhunderts, Bamberg, 1933 („Istanbuler Forschungen“, В. 4), табл. IX.

¹⁷ Древнеармянская миниатюра, табл. 24 и 25.

¹⁸ И. А. А т а д ж а н я н, Русское «Сказание о Борисе и Глебе»..., стр. 1.

¹⁹ ГИМ, Хлуд. № 3. Ее выходная миниатюра, о которой будет сказано ниже, воспроизведена (в цвете) в книге А. И. Свирина «Искусство книги», стр. 189.

иллюстрирована как на полях, так и среди текста. Ее выходная миниатюра — необычной иконографии (Давид изображен не автором текста, а одним из его исполнителей) — помещена не в перегруженном орнаментом архитектурном фронтисписе, а на фоне тройной легкой арки. Все это дает основания для сравнения Хлудовской псалтири с армянскими книгами XII—XIII вв.

Аналогичным по расположению иллюстраций на полях и среди текста является Евангелие 1320 г. (Матенадаран, № 7651), да и иконография его иллюстраций напоминает Хлудовскую и Киевскую Псалтири. с последней ее роднит тщательнейшая проработка мельчайших фигур сложных композиций. В Евангелии 1232 г. (Матенадаран, № 2743) есть изображения крещения Христа и его «сошествия во ад», на которых нарисованы античные персонажи — водотей и владыка преисподней Анд; они есть и в иллюстрациях названных русских Псалтирей.

Главное же, что сближает иллюстрации, а особенно орнаментацию армянских и русских книг XIII—XIV вв., это отражения в них быта и реалий, окружавших мастеров книги. На это обратил в свое время внимание В. В. Стасов²¹, а в наши дни на основе подобных сюжетов был составлен альбом А. Геворгяна «Ремесла и быт в армянских миниатюрах» (Ереван, 1973).

Здесь были высказаны лишь общие и предварительные соображения о материалах для изучения русско-армянских книжных связей древнейшего периода, были приведены лишь отдельные примеры отражения таких связей. В заключение — о путях и направлениях дальнейших поисков таких материалов.

Изучение искусства книги ведется по вершинным его явлениям, его шедеврам; репродукциями лучших образцов, преимущественно иллюстраций древних рукописных книг, наполнялись и продолжают наполняться альбомы по истории ее художественного оформления. Таковы, например, недавние публикации армянской и русской книжной миниатюры²². Рукописная книга, не являющаяся шедевром оформительского искусства, редко привлекает внимание искусствоведов. Однако именно в ней, в книге «массового» изготовления, в детище не монастырских скрипториев, а ремесленников, чаще можно найти отражения не только быта мастеров книги, но и различных видов прикладного искусства. Памятники же последнего участвовали в древности в международном культурном обмене гораздо активнее, чем книги.

Общей тенденцией усвоения культурного наследия Византии в принявших от нее христианство странах, в том числе в России, было переплетение византийских традиций с местными художественными тради-

²⁰ Н. П. Розов, О генеалогии русских лицевых Псалтирей XIV—XVI вв., — «Древнерусское искусство», М., 1970, стр. 226—257.

²¹ В. В. Стасов, Картины и композиции, скрытые в заглавных буквах древних русских рукописей, СПб., 1884.

²² Armenian Miniatures, New York, 1961; Les Miniatures russes du XIe au XVe siècle, Leningrad, 1975.

циями, их тесная взаимосвязь. В период, к которому относятся старейшие из сохранившихся русских книг, армянская книга уже прошла многовековую путь развития, приобрела свой собственный художественный облик. Поэтому старейшие из сохранившихся русских книг гораздо больше напоминают византийские, чем современные им армянские. Однако здесь следует отметить стадиально-типологическую синхронность: тенденции к отражению быта и окружающей мастеров книги среды, а также влияние памятников прикладного искусства появились в орнаментации русской книги с самого начала ее существования. В заголовках и инициалах русской книги XI—XII вв., в изготовлении которой не принимали участие художники, обнаруживаются и подражания богатой, «аристократической» книге, и влияние памятников прикладного искусства — резьбы по дереву, кости и камню,ковки, вышивки, а также изображений домашних животных²³. Все это в изобилии находится в орнаментации армянских книг предыдущих и последующих столетий. И образцы отражения связей оформления русских и армянских книг следует прежде всего искать там, где имеются сведения об армянах-ремесленниках и откуда происходят сохранившиеся в наибольшем числе древнерусские рукописные книги.

Таковой представляется, например, территория Галицко-Волынской Руси, где до сих пор сохраняются такие монументальные памятники архитектуры, как армянский собор во Львове и Пантелеймоновская церковь в Крылосе с ее текстовыми и рисуночными граффити. Здесь же было создано и большинство из сохранившихся русских книг XII—XIII вв., ряд которых начинается Евангелием 1143 г., хранящимся в том же Крылосе²⁴. В последующие века здесь наблюдается интенсивная миграция и распространение армянской рукописной книги, здесь жили и работали ее мастера различных специальностей — книгописцы, художники-оформители, реставраторы-переплетчики. Все это в конечном итоге подготовило возникновение армянского книгопечатания в Западной Украине²⁵.

Обильный материал по изучению русско-армянских книжных связей XIII—XIV вв. должны дать и книги Новгорода Великого, где ремесленное книгопроизводство развилось уже на рубеже XI и XII вв. К концу XII в. относятся изображения армянских святых на фресках Спаса на Нередице, причем Григорий Просветитель был изображен там не в византийском облике, а в облачении, характерном для росписей церквей древней Армении. В XV в. в Новгороде была построена церковь в честь просветителя Армении, в архитектуре которой отмечаются следы древ-

²³ Н. Н. Розов, Книга Древней Руси, М., 1977, стр. 68—70.

²⁴ Я. П. Запаско, Орнаментальные оформления украинской рукописной книги, Київ, 1960, стр. 29—44.

²⁵ К. А. Коркотян, Н. А. Восканян, Армянская книга в XV—XVI вв. и армянское книгопечатание во Львове в XVII в., — «Исторические связи и дружба украинского и армянского народов», Ереван, 1971, стр. 308—320.

него армянского зодчества²⁶. Все эти факты следует иметь в виду, изучая орнаментацию и иллюстрации русских рукописных книг XIII—XV вв. новгородского происхождения.

Выступая в 1960 г. в Ереване на Конференции по археографии, палеографии и источниковедению, акад. М. Н. Тихомиров охарактеризовал отрывки славянских и русских рукописей, хранящиеся в Матендаране, как «ценное свидетельство о наличии связи армян с другими народами» и отметил, что их изучение «позволяет установить, где и когда армянские писцы вступали в соприкосновение со славянскими рукописями»²⁷. Незадолго до этого выступления указанные отрывки были изучены и описаны сотрудницей Отдела рукописей ГПБ Е. Э. Гранстрем²⁸. Еще в 1939 г. армянской миниатюре посвятил специальное исследование старейший советский искусствовед А. Н. Свирии²⁹ — автор монографий «Древнерусская миниатюра» (1950) и «Искусство книги Древней Руси» (1964).

Продолжение сотрудничества армянских и русских исследователей древней рукописной книги на более широком фронте, когда первые познакомятся с русской, а вторые — с армянской книгой не только «аристократического» направления и монастырского происхождения, но и ремесленного, открывает перспективы для находки новых фактов, свидетельствующих о давних и разносторонних книжных связях между нашими народами. При этом, конечно обнаружатся факты «соприкосновения» армянских мастеров книги не только «со славянскими рукописями», но и с русскими мастерами книги. И факты миграции текстов литературных памятников обеих стран дополнятся фактами миграции рукописных книг, которые всегда и у всех народов были продуктом синтеза словесного и изобразительного искусства.

ՌՈՒՍ-ՀԱՅԿԱԿԱՆ ՎԱՂ ՇՐՋԱՆԻ ԳՐՔԱՅԻՆ ԿԱՊԵՐԻ ՄԱՍԻՆ

Ն. Ն. ՌՈՂՈՎ (Լենինգրադ).

(Ա մ փ ո փ ու մ)

Հայ և ռուս ժողովուրդների բազմակողմանի տնտեսական և մշակութային կապերի հազարամյա պատմությունը, XI դարից սկսած, արտացոլվել է երկու երկրների պատմագրության և գրականության հուշարձաններում: Միջազգային գրափոխանակության արդյունք են հանդիսանում ռուսական տարեգրություններում պահպանված տեղեկությունները հայերի մասին և հայկական պատմագրության մեջ պահպանվածները՝ ռուսների մասին, ինչպես նաև ռուսական գրականության հնադույն հուշարձանների հայկական

²⁶ О. Х. Халпахчьян, Армяно-русские культурные отношения и их отражение в архитектуре, Ереван, 1957, стр. 16—18.

²⁷ Археографический ежегодник за 1960-й год, М., 1962, стр. 379.

²⁸ Труды Отдела древнерусской литературы (Института русской литературы АН СССР), т. XIV, 1958, стр. 619—623.

²⁹ А. Н. Свирии, Миниатюры Древней Армении, М., 1939.

ընդօրինակությունները: Մագելով ընդհանուր արմատից՝ բյուզանդական գրքային արվեստից, հայկական և ռուսական գիրքն իր գեղարվեստական ձևավորման մեջ մշտապես կրել է յուրաքանչյուրն իր երկրի կիրառական արվեստի ազդեցությունը, իսկ վերջինս էլ, ինչպես և գիրքը, ակտիվորեն մասնակցել է միջազգային մշակութային փոխանակությանը: Այս ամենն էլ պայմանավորել է հայկական և ռուսական հնագույն ձեռագիր գրքի նմանությունը թե՛ գեղարվեստական ձևավորման տարրերի, թե՛ կատարման եղանակի տեսակետից:

Հիմքեր կան ենթադրելու, որ XI—XIII դդ. հայ-ռուսական գրքափոխանակության կենտրոններ են եղել Կիևյան Հայաստանում և Ռուսաստանի տարածքի այն վայրերում, ուր պահպանվել են հին հայկական ճարտարապետական հուշարձաններ (օրինակ, նախկին Գալիցիա-Վոլինյան իշխանության սահմաններում) կամ ռուս-հայկական մշակութային կապերի արտացոլումներ զարդանախշում և մոնումենտալ գեղանկարչության թեմատիկայում (Կիև, Նովգորոդ):

Ռուս-հայկական գրքային կապերի ուսումնասիրության մեջ պետք է ընդգրկել ոչ միայն այդ երկու երկրների գրքային արվեստի գլուխգործոցները, այլև «մասսայական» արհեստավորական արտադրման գրքերը, որոնց ձևավորման մեջ կիրառական արվեստի ազդեցությունը շատ ավելի ուժեղ է, քան «ազնվական» և վանական ծագում ունեցող գրքերի մեջ: